

ГЛАВА XIX

«НЕ ЖАЛКО» — ЗНАЧИТ, ЖАЛКО

10 октября 1964 года

Серебряков и Солнцев разместились в гостинице вместе со всеми участниками кошачьего смотра, аккредитовались и получили по папке прекрасно изданных буклетов, путеводителей по выставке, расписания работы форума. Прикрытием их проникновения в Голландию было участие в Международном конгрессе фелинологов. Для приличия требовалось все же зайти в залы. Зашли. Запахи тут были не для слабонервных, но кошатники не обращали на такую мелочь внимания, увлеченные ухаживанием за своими сокровищами. Советские все же не могли не удивиться той индустрии, которая обслуживала этих самых диких из домашних животных: с недоумением стояли у стендов со специальным питанием, прививками, лекарствами, всевозможными противоблошиными ошейниками, поводками, попонками, поглотителями запахов, корзинками-кроватками, стерилизаторами. Игорь и Иван наконец-то убедились, что Запад окончательно сошел с ума. В СССР и вообще-то не было шампуней для людей, а тут для кисок десятки наименований. А цены! И все это ради того, чтобы какую-нибудь Мурку ублажить?!

На одной из декоративных клеток висела табличка с названием породы кошары, очередной

раз поразившая наших профи: «Североамериканский уличный кот». И он на международном смотре?! В Голландии?! Рассказать такое в Москве...

Животные смотрели на посетителей почти все безразлично, но некоторые нервничали, метались по клеткам, мяучили. Полковник Солнцев с нестираемой кислой улыбочкой прокомментировал:

— Нет, только собака живет, ничего не давая взамен, кроме любви. Вот, помню, у меня на Дальнем Востоке была овчарка...

Серебряков бестактно перебил разговарившего не к месту Ивана:

— Вот, помню, у начальника Бухенвальда была овчарка...

Иван сразу же надулся, хотя за эти полгода и свыкся кое-как с Игоревыми эскападами. Выставка шла своим чередом.

Раз приехали, пришлось и нашим внимать на пленарных заседаниях. С видом крупных спецов они обходили ряды клеток, безразлично переглядываясь с запертыми в них котами и котярами. У одной из них столкнулись с засуетившейся хозяйкой, ее «чудо» от волнения обкакалось, и мадам в собольем палантине и с бриллиантами величиной с прыщи нецелованного девятиклассника неловко пыталась прибрать за своим питомцем.

Чтобы поразить знаниями буржуйку, Игорь слегка пригнул к жинзневидениям нервного котика и задумчиво произнес по-немецки, обращаясь к полковнику:

— Да, коллега... Фракция жидкая, пенистая, запаха гнилостный...

— Да, — так же глубокомысленно ответил «коллега». — Катар желудка, вы полагаете?

— Не иначе. Или рак.

Соболино-бриллиантовая бабка чуть не хлопнулась в обморок, с ужасом наблюдая за заключениями специалистов с соответствующими картонками на лацканах пиджаков.

— Пардон, майн херрен, а что же нам с Максом делать? — пойдя пятнами, молитвенно прошептала хозяйка.

— Попробуйте дать ему вместо воды чай.

— Но он не пьет воду, только молоко в полтора процента жирности, — растерянно заявила бабуля. — А какой чай? «Эрл Грей», «Липтон», «Золотой дракон»?

«Вот гады!» — не сговариваясь и не переглядываясь даже, но одновременно подумали оба спеца из Москвы. И чтобы позлить тетку, предложили ей шиповник, причем долго пришлось объяснять, что это не боярышник. Тетка страшно благодарила. Оба пожалели, что не деньгами...

Когда, прогуливаясь, подошли к очередной клетке, Игорь тихо по-русски заметил Солнцеу:

— Вам не кажется, коллега, что на этой выставке мы два самых популярных кота?

— С чего ты взял?

— Только не верти головой... Во-он там, слева, неприметный такой брюнет с проседью в коричневом свитере... Все больше нас фотографирует, а не животных.

Иван не на шутку взволновался: полиция, контрразведка? Не может быть! Ему по старой русской традиции не верилось, что с ним может произойти что-то плохое. На выставке фотографировать со вспышкой было запрещено, чтобы не травмировать кошек, но без оной — пожалуйста. Фотографировали почти все, оттого-то скромный посетитель и не бросался в глаза. Как Игорь его отметил, интересно бы знать?

— Уходим?

— Пошли. Попозже посмотрим. Может, я и неправ.

Но тревога уже не покидала советских кошачьих мастеров, хотя фотографа они больше не увидели. По инструкции, увидев слезку, они были должны немедленно покинуть страну. Но, во-первых, наблюдение не подтвердилось. А во-вторых, как же не хотелось уезжать из этой уютной Голландии. Петр

Первый знал, где плотничать... Солнцеу решил даже не отметить подозрение Игоря в рапорте: мало ли чего человеку почудилось? Кстати, а не решил ли «человек» за былые свои печали просто-напросто позлить чекистского сотрудника, а? Такое тоже отвергать нельзя. Почему же он не заметил, Иван?

Но впечатление, конечно, оказалось подмоченным. Вот так вся жизнь — на нервах (как у того обкакавшегося котика), и никто тебя не почешет за ушком, никто не польет шампунем и не даст еды с привкусом мышей!..

В гостинице они выпили, но разговаривать не разговаривали, для этого вышли на улицу.

— Может, показалось? — спросил полковник.

Игорь неопределенно пожал плечами, мол, всякое бывает.

— А как ты определил? — допытывался Иван.

— Черт его знает... Сам не понимаю, как. То ли привычка, то ли интуиция. Понимаешь... только не смейся... у меня в отношении слезки есть своя теория. Ведь охотник в первую очередь хочет, чтобы дичь его не заметила, а то из ловцов сам можешь попасть к медведю в объятья. Так какое поведение у тайного стрелка? В первую очередь — прикинуться деревом или пнем. А у охотников на нас точно такая же психология — остаться незаметными...

— Ну, понимаю, понимаю...

— И вот они так стараются прикинуться обычными посетителями кошачьих выставок, прохожими, рассеянными влюбленными и пассажирами, ожидающими никогда не приходящий автобус, что в их лицах, повадках, манерах есть что-то такое, неуловимое... — Игорь неопределенно поводит у носа ладонью.

Иван, все еще продолжая злиться на запугивание, буркнул:

— Повадки и манеры — одно и то же.

— Я бы мог поспорить как филолог...

Полковник не отвечал, раздумывал. Воспользовавшись паузой, Игорь развил науку, весело вышагивая рядом:

— Вот профессор Дитмар Эльяшевич Розенталь утверждает... Кстати, знаете, когда «не» с наречиями пишется раздельно?

— Что? — немного ошалело вынырнул из дум чекист. — «Не»? Всегда.

— Это глагол, а наречие? Например: «До ближайшей остановки автобуса отсюда недалеко», но «До ближайшей остановки автобуса отсюда не далеко».

— Какого автобуса? — тупо переспросил взволнованный разведчик на задании, между прочим.

— Любого. Это пример. В первом случае, когда слитно, имеется в виду, что близко, а во втором — отрицается, что далеко...

Солнцев даже оstanовился, даже по-пролетарски вытер рукой вспотевшее лицо.

— Заткнись, сука!

Потом, не извинившись, но извиняющимся все же тоном спросил по делу.

— И что же? С этим, с фотографом?

Игорь довольно долго шел молча, не трепался и полковник.

— Знаешь, Иван, у него, пожалуй, был слишком широкофокусный объектив. Он абсолютно не нужен для съемки всех этик помоечных барсиков. А он все-таки фотографирует... Там такой разрешающий момент, что...

— Поня-ятно, — сообразил тоже технически грамотный полковник Солнцев и очередной раз взволновался — это уже не мелкая мстительная подлянка бывшего полицая и зэка, но улика! А что если в своем рапорте он напишет о ней? Где будут генеральские лампы?... Задумаешься тут...

Решили вместе с Бароном, что если еще раз увидят подобных фотокорреспондентов, то свяжутся с Центром за инструкциями.

А не увидели они фотографа и его напарника Баумана еще раз потому лишь, что, отработав на выставке и уточнив адрес гостиницы советских, они поехали заложить свои материалы в тайник. Поехать поехали, да не доехали: когда их «Симка» — «2 лошади» сворачивала на шумную Хонт Хорстраат, в них со всего разбега врезался тридцатитонный трейлер. Турок Фархад Биязи перевозил из Западной Германии в Голландию станки «АГ Фарбиндустри». Главное, он всю ночь не слал, а до склада оставалось с десяток километров. Радостный гастарбайтер напевал уже популярную турецкую песню: «Еще немного, еще чуть-чуть...»

Агенты погибли мгновенно. «2 лошади» тем и знаменита, что строится из пластмассы и брезента. Машина несколько раз перевернулась, а в связи с тем, что поддон картера не был защищен, масло вытекло из лопнувшего корпуса, попало на горячие части двигателя и загорелось... В дорожной полиции проявили пленки и ничего интересного для себя не обнаружили, а кипрские паспорта погибших не вызывали никакого подозрения.

ГЛАВА XX ПЛЕЙБОЛТ

14 октября 1964 года

Прибытие уже в Мюнхен наши друзья решили ознаменовать какой-нибудь скромной культурной программой.

— Жизнь дается человеку один раз, — задумавшись процитировал расхожие патристические вирши бывший полицай, но в своем духе скорректировал Фадеева, — и прожить ее надо в Париже!..

...Поскольку на дворе стоял октябрь, то вся Бавария отмечала «Октоберфест», пивной фестиваль. Все и вся сосали пиво. В ресторанах, кафе, пивных — само собой, разумеется, — под специальными навесами и без оных. На всех площадях, включая ту, что перед железнодорожным вокзалом. Перед городским магистратом, в садах и скверах. Его не пили, вероятно, только дома. Пиво пили толстые мужики в карикатурных кожаных штанишках и юные девушки, как сдружившиеся шпионы решили, — совсем без штанишек. Пили старые бабки в подкрашенных синькой волосах и юные вьюноши с волосьями до плеч. Пили дорогие матроны и священники, пили дети и приравненные к ним иностранцы. Последние — меньше всех и не так весело, как немцы. Все вы, дорогие мои, впрочем, видели (в импортном кино, конечно!), как именно это происходит: сидят на длинных лавках за длинными столами, перед каждым литровая кружка-маас, на столах спокойная закуска: свиные ножки, жареные сардельки, кислая жареная же капуста... Все поют, раскачиваясь. Исполнение: чем громче, тем лучше. Все хохочут. Кто хочет — курит. Прыгают на стульях, пляшут. Играют оркестрики.

Кстати, всегда можно заказать «прицепчик» — сорок граммов водяры. А то, согласитесь, если все время только пить одно пиво — это:

— Живот пучить и хэ мучить, — справедливо заметил Валентиныч.

— Верно! Давай, Ваня, хрюкнем за твои будущие генеральские погоны.

— Да ладно... — кокетливо смутился Солнцев. — Какая разница — генерал, полковник?

— Ха! Кончай прикалывать, Иван! Во всех странах мира, включая и нашу, разница между генералом и полковником такая же, как между мальчиком и девочкой.

Иван согласно хохотнул.

Игорь, размягчившись от пенистого напитка и прицепчика, предался воспоминаниям о военном детстве:

— Баварцев в Германии и армии любили. Они же южане, вроде наших грузин. Кстати, до последнего дня войны пиво здесь продавалось без пунктов.

— Каких «пунктов»? — не понял полковник КГБ, заказывая себе третий прицеп.

— Талонов, карточек по-нашему. Все было по карточкам, а пиво нет.

— А барышни? — расшалился Ваня Солнцев.

— Конечно, по пунктам! Это вообще были очень дорогие талоны. Ты их видел в архивах?

— Не-ет, — сам удивившись своей нелюбопытности, ответил Ваня.

— Что ты! Во-первых, публичные дома были только для армии, а гражданским вход сюда был запрещен, если только они не были вольнонаемные и их не поощряли этой наградой. Во-вторых, все эти кошкины домики были по иерархии: для старших офицеров, для офицеров, для унтер-офицеров, для солдат Рейха. Дальше шла градация для союзников и сателлитов по тем же категориям. Выдавали билетки врачи батальонов всегда по списку или по приказу командира — отличившимся.

— А ты был?

— Один раз. Жрать все время хотелось, я отдавал другим ребятам за консервы.

— Ну и как? — хихикал полковник.

— Нам немок трахать было нельзя. Из всех иностранцев это разрешалось только финнам, австрийцам и венграм. Конечно, никаких цыганок и евреек там быть не могло... В самом Рейхе вообще в публичных домах не было иностранок, а на оккупированных землях — там да, конечно...

— Читали... — мрачно припомнил сводки из архивов Солнцев, где говорилось, как во всех населенных пунктах СССР немцы организовывали бордели. И заказал еще сорок граммов.

— А знаешь, что наших можно было иметь в тех самых домах. А частным порядком, если посянешь, — трибунал?!

— Все равно ведь насильовали!

— Это уж отчаянные головы или... по согласию. Не говори, Ваня, самому неприятно. — Оба одновременно щелкнули пальцами, и толстая официантка в цветастых юбках моментально вынырнула перед ними со шнапсом.

Хрясь!

Помолчали, отхлебнули по большому глотку из своих литровых банок. Чтобы немного смягчить военные воспоминания, Игорь решил рассказать немецкий анекдот: «Патруль военной жандармерии обходит ночной парк... скажем, в Польше. Все кусты шевелятся, охают, стонут.

— Хальт! По согласию? Бас в ответ: — По согласию.

— Хальт! Не тебя спрашивают. По согласию? Девичий голосок: — По согласию... Идут дальше. Хальт! По согласию?.. Бас... Да не тебя спрашивают! Девушка: — По согласию... Хальт! По согласию? Бас: — По согласию... Да не тебя спрашивают! По согласию? Бас: — А я здесь один...»

Рассмешил. Солнцев так заржал, что немцы-соседи мгновенно завелись вслед за его взрывом, хотя агнота и не слышали. Пришлось и им рассказать.

Боже, что тут началось! Игоря хлопали по плечам и спинам, немцы падали со скамеек и дрыгали ногами, на их стол стали обращать внимание даже с других веселящихся скамеек. Тут шпионы сообразили, что им в их тихом деле такая популярность не нужна, и ретировались с праздника жизни и пива.

При этом экс-полицай напевал антисоветскую частушку про Гагарина и Хрущева:

Юра, Юра, ты могуч,
ты летаешь выше туч.
Как поедешь на орбиту,
захвати с собой Никиту
и на радость всему люду
дай пинок ему оттуда!

Ну что взять с бывшего немецкого прихвостня, вырвавшегося на Запад?! Уходили быстро.

— Пусть нас ведет Обикут, — воскликнул патетичный в пьянстве Серебряков.

— Кто таков, почему не знаю? — не постеснялся спросить Солнцев.

— Бог похоти. Вспомни «Короля Лиры»...

Отдышавшись за первым углом, тайные друзья решили просто пошататься по городу. Через пять минут шатания Игорь остановил Ивана:

— Все одно к одному!

— Я тоже думаю, где отлить... — озабоченно пробормотал полковник.

Но Серебряков покосился на него лукавым глазом:

— Я не об этом, Ванюша...

— По-большому, что ли? — недоумевал напарник.

— Это как сказать...

— Тошнит тебя?

— Нет. Видишь дом? — Экс-офицер указал офицеру действующему на невзрачный и совсем неосвещенный поздним вечером дом.

— Ну...

— Знаешь, что там?

Удивительно, но, даже мучаясь проблемой мочевого пузыря (а может, именно из-за этого), Солнцев сразу понял, что именно. И кивнул. А искуситель, играя губами, вопрошал:

— Зайдем? Глядишь, никогда и не повторится.

— Не-а... — заговорило в Иване Политуправление погранвойск КГБ при СМ СССР. Но другое политуправление — Глав Дьявол ЦРУ США — не логично задало вопрос: — Дорого, небось?

— Не дороже денег, — успокаивал-заманивал ГД ЦРУ США.

— А не проследят, не сфотографируют широкоформатным? — волновалось ПУ ПВ КГБ при СМ СССР, желая, чтобы убедили, мол, не бзди!

— Кому мы тут нужны? — увещевал-уламывал ГД ЦРУ США.

— Отвечаешь?! — уже почти сломалось ПУ ПВ КГБ при СМ СССР.

— Оф корз! — по-купечески уверенно гарантировал ГД ЦРУ США.

— Айда, — рухнули моральные устои пограничников Союза.

— Милости просим, — по-русски сказал Главдьявол. — Только ты по-немецки говоришь с акцентом, выдавай себя за норвежца. Йон Петерсон из Осло. Норвежки тут не промышляют, а на их языке никто не говорит. Понял?

— Всосал! — сказал почему-то очень пьяным голосом полковник, даже Игорь посмотрел на него критически, но промолчал.

Они позвонили у подъезда, и им очень быстро открыли. Милая фрейлейн провела их в маленькую залу, где, сидя у стеночек по креслицам, им улыбались четыре барышни в пеньюарах. Ваня Солнцев, он же Йон Петерсон, с порога оглядев компанию, широко улыбнулся и на весьма подозрительном норвежском языке (а попросту — по-русски) громогласно заявил:

— Здрасте, дорогие! Приходите к нам завтра обедать!

Веселье началось.

ГЛАВА XXI ЗА ВПЕРЕД!

15 октября 1964 года

Пушкин бредит, отравившись водкой.

Пушкина тошнит, потеет пах.

Вон и смерть развратною походкой
тут как тут, неожиданна, как трепак...

Как они с Иваном добрались до гостиницы? Блевал ли он, Игорь? Во всяком случае, во рту было ощущение конногвардейского манежа после первой обкатки новых трехлеток... В голове форсировал четырьмя моторами грузовой «Дуглас». В области яиц... Нет, это лишнее. Ноги под этой ужасной немецкой периной вместо одеяла были почему-то переплетены. Все тело мокрое от пота. Вот они, понедельник алкаша!

Хотелось ли опохмелиться? Нет. Но верилось, что это спасет, тем более никакой аспирина сразу

не поможет, а огуречного рассола тут не сыщешь днем с огнем: немцы, как и все европейцы, огурки не солят, а маринуют. Какой толк больному человеку выпить стакан уксуса?!

«Встать, едрена мать!» — приказал себе Серебряков, наивно надеясь, что зубная паста и душ могут оказаться полезнее кружки-мааса ледяного бирка. Не открывая глаз, он оттолкнулся руками от матраса и сел в койке, расплетя при этом нижние конечности. Зер гут: начало положено!

Далее он откинул томящую душу и тело перину. И надо же, сразу немного полегчало. Но тут он сглотнул накопившуюся слюну (вместо того-то, чтобы выплюнуть ее на ковер!), и его замутило сильнее, нежели до этого.

«Ах, дураки мы, дураки! Братъ в публичном доме шампанское! По бордельным-то ценам... А эта Марта... Пардон! Ильза?.. Или обе вместе?.. О-ох!»

Говорят, что только творческие муки мучительней физического похмелья. Но и алкоголизм — тоже, я вам скажу, не мед. Игорь Серебряков открыл глаза и, как тогда в еще не читанной им книжке Булгакова, он увидел сидящего в кресле седого господина. Игорь тяжело задыхался:

— Вас волен зи?

Господин приподнялся в кресле и кивнул. Игорь прикрылся периной. Господин заговорил по-немецки.

— Господин Серебрякофф? Весьма приятно. Извините меня, хотел бы сначала предложить вам «алка-зельцер» и светлого пива.

И не спрашивая согласия Игоря, бросил в кружку какую-то здоровенную таблетку. Игорь не стал валять ваньку и принял отраву из рук посетителя. Не скажу, чтоб в момент, но все же полегчало. Вместе с непростительной неинтеллигентной отрыжкой, казалось, выходила и головная боль. Черти в желудке тоже слегка окосели и попритихли. Все это время господин беспардонно рассматривал советского человека в критический момент его жизни. Игорь тоже соображал, кто же именно сидит перед ним, но ни на нем, ни в номере не было никаких компроматов. Визы были в порядке, паспорт в норме.

— Благодарю вас, мой господин, — вежливо поблагодарил молодой мужчина пожилого.

— Не стоит. Я сам знаю, что это такое.

— Знаете, этот праздник...

— Знаю, конечно. Сам вчера... как это правильно по-русски?.. «Усугубил», так?

— Верно. С кем имею честь?

— Ну вот мы и перешли к делу. Меня зовут Мильх, господин Серебрякофф. О, простите, у вас

же еще есть и аристократический титул, кажется. Не так ли, любезный барон?

— Чем обязан? — абсолютно не реагируя на собачий чекистский псевдоним, предложил вернуться к деловой части Игорь.

Генерал Мильх помолчал, вновь беспардонно уставившись на вновь осовевшего собеседника. Игорь заерзал под периной, не понимая, как вести себя в такой ситуации. Мильх наконец заговорил:

— Вы еще не слышали радио и не читали газет, так?

Игорь утвердительно кивнул.

— В вашем СССР государственный переворот. Свергли герра Хрущева на пленуме ЦК. Вчера.

— Да ну? Никиту скинули? — поразился Серебряков такому редкому явлению на родине.

Мильх утвердительно кивнул, достал газету, где новость была на первой полосе. Игорь быстро перечитал экстренные сообщения, мотая начесанной башкой.

— Вот так номер, а? — спросил он у генерала почти интимно. — Что же теперь будет?

— Я думаю, вам следует хорошенько подумать, герр Серебрякофф. О своей судьбе, например.

— Однако при чем здесь я? Начальники наверху дерутся...

— ...а у панов внизу чубы трещат, — по-русски закончил эту сентенцию немец.

— Нет! Кто я? Пешка.

— Но довольно опасная. Вас могут использовать для компрометации бывшего Первого секретаря ЦК... Организация взрывов и все такое прочее. Выведут на процесс, побьют предварительно, пообещают за правильное поведение потом освободить, а сами...

— Шлепнут! — завершил логическую цепочку отечественного судопроизводства бывший полицей. Игорь и не думал удивляться. На Лубянке и в лагерях он еще и не с такими «постановками» встречался. А вдруг этот седой — подстава? С Лубянки. Так сказать, генеральная проверочка? Зато проклятое похмелье постепенно улетучилось, он стал рассуждать логично:

— Вы предлагаете мне остаться?

— Да.

— Знаете, Сирано де Бержерак, положи руку на шпагу, говорил обычно: «Я не совсем один»...

— Вы о Солнцева? — по-русски же продолжал беседу немец.

— Вот именно.

Немец все же сделал паузу, потом полез в карман пиджака и достал оттуда советский заграничный паспорт, подал Игорю.

— Он, в отличие от вас, прочел новость с утра пораньше и в восемь часов уже сидел в полицейском комиссариате, писал прошение о предоставлении политического убежища. Понимает: его-то ждут на Лубянке куда как более крупные неприятности.

Немец говорил по-русски складно, но со смешным кинематографическим акцентом, с каким фашистов изображали артисты Милляр и Сергей Мартинсон.

— И вы его примете?

— Отчего же нет? Сами понимаете, не каждый день у нас бывают такие э-э-э... гости.

— Поня-ятно, — пробормотал Игорь и вернул паспорт Солнцева генералу.

— Герр Мильх, а что я тут буду делать? Профессии у меня нет, никаких тайн я не знаю...

— Работу мы вам найдем, не волнуйтесь. С перспективой. Языки вам учить не надо, а тайн от вас и не потребуется.

— О, герр Мильх, нечестно!

— Почему? — искренне удивился пожилой.

— Дело в том, что после оздоровительных курортов Колымы я не хочу работать вообще. В Москве я получаю от вас пенсию... вы это знаете?

Немец молча кивнул.

— ...Плюс халтура в издательстве. Плюс устные переводы. Да еще я кое-что пописываю под псевдонимом. А воспоминания наших генералов?! «И тут, в разгар боя, я отдаю приказ: рубящим ударом, в залпе кавалерийского корпуса... Огонь!» Поэма экстаза! Кроме того, я уже вновь полюбил жизнь: у меня появились маленькие нездоровые привычки. У нас они почти бесплатные, а здесь... Вчера, например...

— Да, да... Тысяча шестьсот марок...

— Сколько?! — обалдел Игорь, в ужасе максимально открывая заплывшие очи. — Вот видите, — даже с укоризной в адрес генерала произнес он, как будто это Мильх подставил ему барышень и шампанское в бардаке.

Немец и тут промолчал. И Серебряков утих. Немец заговорил первый.

— Вы позволите мне называть вас Игорь?

— Битте.

— Спасибо. Дело в том, Игорь... дело в том, что ваша судьба интересуется не только мою организацию, но и меня лично.

Серебряков удивленно воззрился на генерала.

— Да, это так, Игорь. Я сейчас объясню.

Немец вновь полез во внутренний карман и достал бумажник, из него вынул фотографию, несколько мгновений посмотрел на нее и передал ее молча Игорю. С отчетливой современной

карточки глянуло лицо сорокалетнего примерно мужчины. Залысины, очки, приличный костюмчик. Игорь посмотрел-посмотрел и отрицательно покачал головой:

— Не знаю, не видел. Кто это?

— Это мой сын.

В такое утро, в такой ситуации и при таких предложениях Серебряков решил ничему не удивляться: будь что будет. Однако немец достал из портмоне другую фотографию и вновь вручил ее своему визави.

На этот раз на фото хоть и был тот же мужик, но лет на пятнадцать моложе и в форме майора вермахта со значком Генерального штаба.

И Игорь его вспомнил!

— Майор Рихтер?

— Так точно. Вы его спасли, Игорь. Тогда, в лагере союзников. Вы выдали ему фальшивое удостоверение, и он избежал всех ужасов денацификации и прочих издевательств наших англоговорящих друзей. Я ваш должник. Теперь понимаете, о каких перспективах я вам толкую?

— Нет, теперь не понимаю. Если кто уж и должен был мне поставить один-другой масс, то это именно майор, а?

Немец по привычке опять замолчал. Игорь последовал его примеру.

— Дело в том, Игорь, что Йоганна больше нет. Пьяный хулиган, нож. Просто так. В белой горячке.

— Простите, господин... Мильх все же? Или Рихтер? — Какая разница? После войны, когда Йоганн рассказал мне о вас, я нашел ваше дело у англичан. Это я добился для вас пенсии как для офицера вспомогательной полиции. Надеюсь, к тому времени это вам уже не могло навредить.

— Мерси.

— Теперь вы так удачно оказались в Германии, а я так удачно располагаю некоторыми привилегиями. Оставайтесь, Игорь. У вас все будет хорошо. Подумайте еще раз.

Молодой мужчина привычно сострил:

— Один китаец, прежде чем что-то сделать, думал три раза, когда об этом узнал мудрец Конфуций, то сказал по-мудрому: «Достаточно два раза...»

— Итак? — не заметил остроту генерал.

Теперь они замолкли оба. Игорь окончательно отрезвел (видно, немец не «алка-зельцер» сыпанул, а какую-то свою секретную химию. С чем-чем, а с химией-то у немцев был полный орднунг).

— Спасибо, — наконец промолвил поправившийся русский. — Искренне говорю, мой госпо-

дин. Я уже попробовал однажды это сделать — ничего хорошего не получилось...

— Игорь, пожалуйста, подумайте о своем будущем!

— Кто же его знает?

Немец достал сигареты, вопросительно посмотрел на хозяина, когда тот милостиво разрешил кивком, закурил. Он затягивался глубоко и упорно молчал. Потом все же произнес:

— Будущее? Вот вы тут древних цитировали... Что же... Одному учителю нахалы-ученики заявили, что будущего узнать нельзя. «Можно, — сказал китаец. — Представьте, что ваши родственники попали в беду за сто ли отсюда. Исход дела решается один день, и все зависит от вас. Есть выбор: горячий уже оседланный конь или старая скрипучая арба на волах. Что выберете? — Коня! — завопили балбесы. — Ну, так вот вы и узнали свое будущее и будущее родных».

Игорь оценил.

— Игорь?

Но русский мягко ответил:

— Если вы хотите сделать мне приятное, закажите авиабилет Мюнхен — Москва.

Немец задумчиво посмотрел в окно, затушил в пепельнице сигарету. И уже не глядя на парня, проговорил:

— Прямого рейса нет... Можно так: Франкфурт-на-Майне — Вена — Москва.

— Что же...

— Билеты вас будут ждать у портье.

Немец поднялся из кресла, Игорь продолжал сидеть в кровати. Генерал не решился протянуть руку. Игорь тоже не посмел предложить свою.

— Прощайте, господин Серебрякофф.

— Прощайте, герр Мильх.

За окном вовсю разгуливалось дождливое утро. Капель была похожа на женскую истерику...

ГЛАВА XXII ГОРОСКОП ГЕРОЕВ РОМАНА

ВОДОЛЕЙ

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич, род. в 1894 году.

Планета: Земля.

Металл: серебро.

Драгоценный камень: опал.

Судьба: умер в 1971 году под гласным надзором тайной полиции в Москве.

РЫБЫ

ГАЛЕЕВА Тамара Петровна, род. в 1940 году.

Планета: Венера.

Металл: олово.

Драгоценный камень: бирюза.

Судьба: в 1980 году вышла в отставку в звании подполковника КГБ, уехала с мужем на постоянное местожительство в г. Пярну ЭССР. Ныне проживает в г. Таллине, Эстония.

ОВЕН

КАНТАРИЯ Капитон Абдуллаевич, род. в 1919 году.

Планета: Луна.

Металл: цинк.

Драгоценный камень: турмалин.

Судьба: в 1991 году сожжен заживо в своем доме в пос. Гульрипш, Абхазия, во время грузино-абхазской войны.

ТЕЛЕЦ

РИХТЕР Карл-Леопольд, фон, род. в 1899 году.

Планета: Марс.

Металл: железо.

Драгоценный камень: берилл.

Судьба: ушел на пенсию в 1968 году с должности заместителя начальника Центра подготовки военной разведки ФРГ, умер в 1972 году в клинике Терпсикхофф (Мюнхен, Бавария, ФРГ) от рака горла.

БЛИЗНЕЦЫ

САХАРНОВ (ГОЛЬКОВ) Вячеслав Николаевич, род. в 1898 году.

Планета: Меркурий.

Металл: золото.

Драгоценный камень: сапфир.

Судьба: в августе 1966 года покончил жизнь самоубийством в правительственной больнице под Москвой.

РАК

МАЗАН Ян (помощник инспектора полиции безопасности Нидерландов), род. в 1939 году.

Планета: Плутон.

Металл: ртуть.

Драгоценный камень: яхонт.

Судьба: без вести пропал в ноябре 1964 года из своего дома в Амстердаме, следы до сих пор не обнаружены.

ЛЕВ

АЛДАННИКОВ Андрей Максимович, род. в 1926 году.

Планета: Нептун.

Металл: титан.

Драгоценный камень: алмаз.

Судьба: умер в звании генерал-лейтенанта КГБ в отставке в 1970 году.

ДЕВА

НЕЗЛОБИНА Татьяна Викторовна (Танька-блондинка), род. в 1945 году.

Планета: Венера.

Металл: алюминий.

Драгоценный камень: изумруд.

Судьба: в 1995 году вошла в состав Государственной Думы Совета Федерации РФ V созыва, проживает в настоящее время в г. Москве.

ВЕСЫ

СЕМИЧАСТНЫЙ Виктор Ефимович, род. в 1924 году.

Планета: Марс.

Металл: свинец.

Драгоценный камень: рубин.

Судьба: умер на пенсии председателя правления общества «Знание» в 1998 году в Москве.

СКОРПИОН

ДАЛЛЕС Аллен Уэлш, род. в 1893 году.

Планета: Юпитер.

Металл: никель.

Драгоценный камень: топаз.

Судьба: работал в комиссии по расследованию убийства президента США Дж. Кеннеди, в 1969 году умер от резкого осложнения после гриппа.

СТРЕЛЕЦ

СЕРЕБРЯКОВ Игорь Олегович, род. в 1931 году.

Планета: Нептун.

Металл: медь.

Драгоценный камень: аквамарин.

Судьба: по возвращении в СССР в октябре 1964 года арестован, отбывал заключение до 1973 года, в этом же году убит неизвестными в подъезде своего дома.

КОЗЕРОГ

СОЛНЦЕВ Иван Валентинович, род. в 1931 году.

Планета: Уран.

Металл: платина.

Драгоценный камень: аметист.

Судьба: до 1982 года — штатный сотрудник Аналитического отдела ЦРУ США, ныне пенсионер, проживает в г. Майлкс-Барр, штат Пенсильвания, США.